

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Григория Александровича Кричевского «Формообразующие стратегии эпистолярной прозы русского модернизма (М. Кузмин, Д. Хармс, М. Цветаева, В. Шкловский, В. Набоков)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертационное исследование Г.А. Кричевского посвящено проблематике, которая в последнее время стала предметом интенсивной гуманитарной научной рефлексии. Филология, психология, искусствоведение, социология, философия – все эти научные дисциплины активно интересуются не столько анализом автономных духовных или гносеологических начал, сколько их изменчивым взаимодействием. Изучение тех или иных аспектов индивидуального сознания (а тем более подсознания) стало невозможным без выхода за пределы субъективности, без соотнесения категорий «я» и «другого».

В этом отношении феномен адресации в литературе вообще и эпистолярные прозаические жанры в частности – тот материал, тщательное осмысление которого позволяет литературоведению существенно углубить понимание как общей логики литературной эволюции, так и важнейших компонентов направленных эстетических проектов, а самое главное – выйти на новый уровень осмысления художественного наследия конкретных писателей. Именно эти задачи поставлены и успешно разрешаются в рецензируемой диссертации, чем обусловлены **актуальность** и научная продуктивность работы.

Конкретные произведения большинства из рассматриваемых в диссертации писателей (М. Кузмина, В. Шкловского, М. Цветаевой, В. Набокова) нередко становились предметом научного изучения, о чем подробно и точно написано во вступительном разделе диссертации. В то же время эпистолярная проза первой половины XX века как целостная эстетическая парадигма **впервые** рассмотрена сквозь призму адресации именно в кандидатской диссертации Г.А. Кричевского – в этом несомненная **новизна** предпринятого исследования.

Новым является и ввод в исследовательский ареал ранее не рассматриваемых под художественным углом зрения эго-документов, в частности, личных писем Д. Хармса, обращенных к Клавдии Пугачевой, которые, как убедительно доказывает соискатель, в рецептивном поле культуры обретают статус артефакта.

Впрочем, остановимся на **новых** результатах работы подробнее.

Отметим самое важное: автор впервые формирует инновационную концепцию эпистолярной прозы в ее диахроническом развитии, генезис которой он связывает с речевым жанром (бытовым письмом), а литературное становление соотносит с достижениями французской романистики XVIII века.

В первой главе работы Григорий Александрович подробно анализирует смысловые возможности и гносеологические границы эпистолярной прозы, вычлняя ее доминирующие структурные и содержательные компоненты: двухвекторную нарративно-сюжетную организацию и полифоническое отображение внутреннего мира персонажей в зависимости от модальных установок адресанта, реципиента и самого автора.

В итоге диссертант выявляет три актантные модели формообразования эпистолярной прозы: а) *коммуникационную*, б) *драматическую*, в) *иллюкативную* (базирующуюся на теории речевых актов), и демонстрирует возможности их поливалентного применения - в комбинаторике с иными художественными стратегиями.

Несомненная смелость и новизна исследовательского проекта Г.А. Кричевского связана прежде всего с его концепцией, реализованной во второй главе. Соискатель скрупулезно анализирует эпистолярную прозу А.С. Пушкина и доказывает, что именно в ней откристаллизовался эпистолярный канон классического периода русской прозы, что имело приоритетное значение для последующих эпистолярных открытий модернистов. Он показывает, что именно в пушкинской эпистолярной прозе а) формируется новое качество углубленных психологических описаний, нацеленных, в том числе, и на репрезентацию подсознательных порывов; б) разворачивается подтекстовая диалогичность, приводящая к принципиальной многозначности оценок «людей и положений»; в) закрепляется установка на пародирование эпистолярной формы, г) проявляется стилевая амбивалентность (связанная с нарочитой стилизацией и одновременно - опрощением) в обрисовке и пр.

Особым научным достижением автора в этой главе я считаю филигранный анализ незавершенной пушкинской повести «Марья Шонинг». Г.А. Кричевский показывает, что эпистолярная стратегия позволяет Пушкину

по-новому обрисовать психологическое состояние центрального персонажа. В эпистолярной оптике болезненно-острые переживания героини, с одной стороны, предельно обнажаются, с другой стороны, воспринимаются «опосредованно», сквозь призму письменной речи, обращенной к Другому. В итоге, делает вывод автор диссертации, письма Марьи Шонинг задают новую парадигму психологического анализа (и новую художественную модель для репрезентации эмоционального поведения в обществе), что впоследствии получит развитие в эпистолярных опытах прозаиков – от Ф.М. Достоевского до Владимира Набокова.

Хорошо продуманная структура диссертации отражает ее концептуальную суть. Мы имеем дело с таким типом филологического исследования, говоря о котором нет необходимости подробно останавливаться на содержании глав. Достаточно сказать, что если в первой и второй главах автор развертывает теоретическую и генетическую концепцию эпистолярной прозы, то в третьей и четвертой он обращается непосредственно к эпистолярию русских модернистов, преимущественно постсимволистов.

Обе эти главы опираются на весьма продуманную концепцию модернизма, изложенную во введении (в ряде моментов обновленную по сравнению с традиционным пониманием этого литературного направления).

Несомненно, сильная сторона диссертационной работы – в том, что в этих главах внимание автора направлено на малоисследованные тексты наиболее ярких и самобытных представителей постсимволистской эпохи – М. Кузмина, В. Шкловского, Д. Хармса, М. Цветаевой и Набокова, наследие каждого из которых требует особого ракурса рассмотрения. Такой эстетически богатый материал и сопровождающийся глубоким аналитическим осмыслением, обусловили множество внутренних перекрестных отсылок и тем самым предопределили внушительный общий объем диссертационного исследования. Эти главы отличаются завидной концептуальной целостностью.

В третьей главе рассматриваются переходные стадии превращения бытовых (личных, дружеских, любовных) писем в литературный факт. В этом статусе выступают письма Даниила Хармса и В. Шкловского и М. Цветаевой. Причем если у Хармса, как мы отмечали выше, художественная трансформация бытовых писем в факт искусства происходит в читательском восприятии, то у Цветаевой и Шкловского письма в процессе авторской рефлексии трансформируются в художественные структуры – в эпистолярную повесть («Флорентийские ночи») и в эпистолярный роман («Zoo, или письма

не о любви»). То есть перед нашими глазами диссертант как бы разворачивает стадийный процесс превращения жизненно-бытовых коммуникативных актов и эго-документов в факт искусства. И делает он это мастерски, тонко и филигранно.

В четвертой главе анализируются уже эпистолярные тексты, изначально задуманные их авторами как художественные произведения, создаваемые в новеллистическом жанре. Анализируя новеллы М. Кузмина и В. Набокова, автор выявляет их генетическую связь с романной традицией Нового времени, опосредованной пушкинским каноном. На материале этих новелл он показывает, что сама эпистолярная форма становится не только средством отображения персонажей, их глубинной психологической характеристики, но и выступает как объект художественных экспериментов.

Так, чрезвычайно удачным - с точки зрения историко-литературной информативности и теоретической значимости анализа – мне показался раздел четвертой главы, посвященный новелле М. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер». Здесь автор вычленяет несколько жанрово-стилевых слоев, связанных в свою очередь с разными жанрово-нарративными традициями (демонологическим преданием, жанровой моделью французской либертинской прозы, сюжетом волшебной сказки). Рецепция этих жанровых паттернов, делает вывод Кричевский, становится важным механизмом смыслопорождения в кузминской новелле. При этом пушкинский канон эпистолярного нарратива – быть проводником эмоциональных состояний – у Кузмина сохраняется, однако осложняется авторской установкой на стилизацию и пародирование.

Не менее ценен и интересен аналитический разбор набоковской новеллы «Как-то раз в Алеппо», в итоге которого показаны те важные изменения, которые переживал эпистолярный жанр в первой половине XX века.

Автор диссертации справедливо утверждает, что Набоков в этой новелле разрушает самую основу классического нарратива, делает его призрачным. Автор, подытоживая свои умозаключения пишет: «Парадокс заключается в том, что это разрушение репрезентировано через жанровый код письма, который предполагает искренне участие адресанта и искренность адресата как прямого участника событий, происходящей в некой условной реальности. Однако Набоков обнажает всю условность этой «жизненной реальности», используя для этого образ «ненадежного рассказчика» (с. 210).

Точны и научно перспективны тезисы диссертанта о том, что прагматический модус письма и его нарративная структура моделируют в

набоковской новелле ситуацию автокоммуникации. По его точному наблюдению, жанровый формат письма, использованный в новелле, вкупе с ситуацией автокоммуникации позволяет Набокову создать метанарратив, «рассказ о создании рассказа» (с. 210).

Подытоживая свои аналитические штудии, Кричевский делает вывод о том, что модернистская миромодель с ее выдвиганием на первый план субъективного фактора и одновременно диалогических установок, сыграла основополагающую роль в структуре модернистского эпистолярия, определив его прагматику, эстетику и поэтику. В свою очередь, акцентированная субъектность модернизма ведет, по его справедливой мысли соискателя, к трансформации мимезиса в эпистолярных жанрах, к изменению в них нарративных и диалогических техник, приводящих к релятивизации восприятия героя и хронотопа. Все эти закономерности, заключает Г.А. Кричевский, оказываются общими для модернистских произведений, использующих эпистолярные стратегии.

Достоверность и высокая степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации обусловлена комплексной методологией, адекватной целям и задачам исследования, широтой охвата материала и глубокой проработкой источников.

Развернутая теоретическая рефлексия в первой главе работы включает в себя обзор обширного круга отечественных и зарубежных исследований (в том числе, и на языке оригиналов), посвященных коммуникативным стратегиям в художественной литературе и жанровым атрибутам эпистолярной прозы. Эта глава свидетельствует о завидной общегуманитарной эрудиции автора, высоком уровне ее методологической оснащенности, а также об умении сложную проблематику передать с высокой степенью «таксономической» ясности: Г.А. Кричевский точно выбирает наиболее интересные формулировки, связанные с пониманием проблемы. **Методологически значимым** является выработанный автором оригинальный и наукоемкий **алгоритм исследования** и его ключевые итоги.

Трудно не согласиться с **основными положениями, выносимыми на защиту** – настолько точно и емко они сформулированы и доказаны всем ходом исследования, а затем **апробированы** в докладах, прочитанных на международных конференциях и в статусных авторских публикациях.

Основное содержание диссертации вполне адекватно **отражает автореферат** и опубликованные статьи.

Основные выводы и материалы работы имеют большое **теоретико-методологическое** и **практическое значение** как и для дальнейших теоретических и историко-литературных исследований эпистолярных текстов, так и для разработки лекционных курсов по теории и истории литературы в рамках филологических и культурологических отделений высшей школы.

Не подвергая сомнению правомочность общей концепции и обоснованность конкретных выводов, к которым пришел Г.А. Кричевский, выскажу несколько **частных замечаний** или попутных вопросов, спровоцированных интересными наблюдениями и суждениями автора и, возможно, полезных для перспективного развития темы.

Во-первых, в главе, посвященной Пушкину блестяще рассмотрены *художественные* произведения автора, написанные в жанровой парадигме писем или содержащие эпистолярный компонент. Однако, возникает вопрос: не кажется ли автору, что, если рассматривать Пушкина в статусе «предтечи» эпистолярных исканий модернистов, то стоит рассмотреть эстетику и поэтику его реально-биографических писем? Возможно, именно в них был заложен механизм превращения в бытового письма в феномен искусства, который в так виртуозно использовали его последователи XX века.

Во-вторых, хотелось бы услышать более пространный ответ на вопрос, почему эталоном формообразования и смыслового структурирования для русских модернистов был, по мысли автора, именно Пушкин, а, скажем, не Достоевский? Тем более, что в теоретической главе диссертации подробно рассматриваются заметки В. Шкловского по поводу «Бедных людей» Ф.М. Достоевского. Нет ли здесь противоречия?

И, наконец, *в-третьих*, в параграфе, посвященном Владимиру Набокову, мне несколько не хватило контекстных сопоставлений. При описании такого оригинального повествовательного приема, как «ненадежный рассказчик», было бы уместно сопоставить этот принцип с амбивалентным и столь же неverifiedированным «я»-повествованием, реализованным, к примеру, в романе «Отчаяние» (1934). Подобное сопоставление, на мой взгляд, показало бы чрезвычайно любопытную трансформацию концепции «ненадежного рассказчика» в прозе Набокова. На будущее можно пожелать диссертанту соотнести «Как-то раз в Алеппо...» с другими эпистолярными и квазиэпистолярными

текстами («Адмиралтейская игла», «Письмо в Россию», фрагменты некоторых романов).

В целом же диссертация «Формообразующие стратегии эпистолярной прозы русского модернизма (М. Кузмин, Д. Хармс, М. Цветаева, В. Шкловский, В. Набоков)» – самостоятельное, глубокое, оригинальное исследование, в котором **решен ряд задач, актуальных для современной историко-филологической науки.**

Итак, работа **соответствует** требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РУДН, протокол № УС-12 от 03.07.2023, а ее автор, **Григорий Александрович Кричевский, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.**

Доктор филологических наук (10.01.01),
профессор, профессор кафедры истории
новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова»

Леденев Александр Владимирович



09.11.2023

Подпись проф. А.В. Леденева заверяю:



А.И. Октябрьская - Жискиган /

19991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет.

Телефон: +7 (495) 939-32-77. E-mail: contact@philol.msu.ru